

УДК 327

ИНОСТРАННОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (Часть первая)

А.А. Крутько

Аргументируется необходимость введения в политологический лексикон понятия "иностранное присутствие", предложено его авторское определение. Рассмотрены политико-правовые основания и виды иностранного присутствия: военное, экономическое (присутствие на мировых рынках), информационное, гуманитарное, научно-образовательное. Выделена специфика отношения различных государств к иностранному присутствию. Показаны принципиальные концептуальные отличия присутствия США и России за пределами собственной территории. Обоснован вывод о том, что главной целью стратегического присутствия США за рубежом является сохранение однополярного мирового порядка и своего глобального лидерства, а для России такое присутствие является инструментом построения новой полицентричной модели мироустройства.

Ключевые слова: внешняя политика; иностранное присутствие; военное; экономическое; информационное; гуманитарное; научно-образовательное присутствие; мировой порядок; глобальное лидерство; однополярная модель мироустройства; полицентричная модель мироустройства.

ЭЛ АРАЛЫК МАМИЛЕЛЕРДИН ТЕОРИЯ ЖАНА ПРАКТИКАСЫНДАГЫ ЧЕТ ЭЛДИК КАТЫШУУЛАР (Биринчи бөлүгү)

Макалада "чет элдик катышуу" деген түшүнүктү саясий илим лексикасына киргизүү зарылдыгы далилденет, анын автордук аныктамасы сунушталат. Чет элдик катышуулардын саясий-укуктук негиздери жана түрлөрү каралат: аскердик, экономикалык (дүйнөлүк рынокто болушу), маалыматтык, гуманитардык, илим жана билим боюнча. Ар кандай мамлекеттердин чет элдик катышууга болгон өзгөчө көз караштары баса белгиленген. АКШ менен Россиянын өз аймактарынан тышкары аймактардагы катышууларынын негизги айырмачылыктары көрсөтүлгөн. Ушундан улам мындай жыйынтык чыгарууга болот: АКШнын стратегиялык чет элдик катышуусунун башкы максаты бир уюлдук дүйнөнүн тартибин жана өзүнүн глобалдык лидерлигин сактап калуу болуп саналат, ал эми Россия үчүн мындай катышуу жаңы көп борборлуу дүйнөлүк тартип моделин куруудагы курал болуп саналат.

Түйүндүү сөздөр: тышкы саясат; чет элдик катышуу; аскердик; экономикалык; маалыматтык; гуманитардык; илим жана билим боюнча катышуулар; дүйнөлүк тартип; глобалдык лидерлик; бир уюлдук дүйнөнүн тартип модели; көп борборлуу дүйнөлүк тартип модели.

FOREIGN PRESENCE IN THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL RELATIONS (Part one)

A.A. Krutko

The article substantiates the necessity of introducing the concept of "foreign presence" into the political science lexicon. The author's definition of this concept is presented. The political and legal grounds and other types of foreign presence military, economic (presence on world markets), information, humanitarian, scientific and educational are analyzed. Specificity of the attitude of different states to a foreign presence is singled out. Principal conceptual differences between the presence of the United States and Russia outside their own territory are shown. The author proves that the conclusion that the objective of United States of strategic presence abroad is to ensure the preservation of a unipolar world order and American global leadership, and for Russia that kind of presence is an instrument for building a new polycentric model of the world order.

Keywords: foreign policy; foreign presence; military; economic; information; humanitarian; scientific and educational presence; world order; global leadership; a unipolar model of the world order; a polycentric model of the world order.

Понятие “иностранное присутствие” достаточно часто и регулярно в разных контекстах используется в политических документах [1], аналитических [2] и публицистических статьях [3], однако его строгое научное определение отсутствует в учебниках, словарях и энциклопедических справочниках. Требуется восполнить этот пробел.

С нашей точки зрения, в теории международных отношений “присутствие” означает физическое пребывание одного актора межгосударственных отношений на территории другого. Присутствие, в отличие от оккупации, в современном мире возможно только на основе двусторонних межгосударственных соглашений. Фактически, оно выступает инструментом внешней политики обоих государств, реализуемой во всех сферах общественной жизни.

Мы выступаем за расширенное толкование присутствия, т. е. за комплексное рассмотрение военных, экономических, гуманитарных, информационных, научно-образовательных и всех других аспектов межгосударственных отношений как единого феномена. Такой подход позволяет говорить о стратегическом присутствии. Оно осуществляется на определенных концептуальных (идеологических) основаниях, определяющих политическую ориентацию государств (на биполярный, однополярный или многополярный мир), как осуществляющих, так и принимающих институты иностранного присутствия.

Поскольку присутствие выполняет политические функции, выступая как форма не прямых стратегических действий государств, последние, как правило, в своих основополагающих внешнеполитических документах (концепциях, стратегиях, курсах внешней политики, знаковых выступлениях государственных руководителей) четко фиксируют свое отношение к институту иностранного присутствия, прежде всего военного. Например, Республика Узбекистан в соответствии с Законом РУ “Об утверждении Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан” от 10 сентября 2012 г. № ЗРУ-330 (в открытой печати закон не опубликован, но его краткое изложение представлено на сайте МИД Узбекистана) не допускает размещения на своей территории иностранных военных баз и объектов [4].

Рассмотрение присутствия как инструмента внешней политики государства, его осуществляющего, предполагает ответы на вопросы: каковы цели, задачи и чем определяется структура (виды и формы, места дислокации) присутствия конкретного государства за пределами своей территории.

Государством, наиболее активно пользующимся “присутствием” в качестве инструмента

внешней политики, являются Соединенные Штаты Америки. После Второй мировой войны в США возобладали геополитические концепции Мэхэна–Маккиндера, в соответствии с которыми Америка, являясь “мировым островом”, должна в интересах собственной безопасности установить контроль над “евроазиатским хартлэндом” [5]. Соответственно, особое значение для США приобретал военно-политический контроль над евразийской “периферией”, и в первую очередь Западной Европой, Ближним Востоком и Японией.

Этот контроль осуществлялся с помощью институтов присутствия США, прежде всего военного. Во время Второй мировой войны США создали военные базы, точнее, получили право использовать большинство баз союзников – Великобритании и Франции – в Исландии, Северной Африке и Индийском океане. После окончания Второй мировой войны американские войска остались на территории западной части Германии, Италии, Франции и т. д. Военное присутствие США в Южной Корее и Японии стало постоянным после Корейской войны. Во многих из этих стран были созданы постоянные военные объекты, часть которых существует и поныне. В.В. Ванчуг в публикации 2006 г. отмечает, что “точные данные о количестве военных баз, которыми оперирует Пентагон, ныне неизвестны”, и приводит следующие данные: “Общеприняты две цифры: около 6 тыс. военных баз находятся на территории США и несколько сот – на территории других стран (190 из них – в Европе, более 80 – в Азии, 16 – в Латинской Америке)” [6].

После распада СССР, по мнению крупнейшего американского геополитика З. Бжезинского, “главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство, и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте” [7, с. 43].

В середине 1990-х гг. США основали ряд военных баз для поддержки миротворческих и гуманитарных операций на территории бывшей Югославии, охваченной гражданской войной. Американские военные базы были созданы и в других странах “новой Европы” и на Ближнем Востоке: в Кувейте, Бахрейне, Саудовской Аравии, Катаре, Омане и Объединенных Арабских Эмиратах. Их присутствие объяснялось необходимостью сдерживать агрессивность Ирака и Ирана, а также

обеспечивать безопасность маршрутов транспортировки нефти.

После 11 сентября 2001 г. и начала войны с террористами Соединенные Штаты создали как минимум 19 новых военных баз. Помимо крупномасштабного американского военного присутствия в Афганистане первые базы США появились на территории постсоветских государств. 5 октября 2001 г. США подписали соглашение с руководством Узбекистана об использовании бывшей советской авиабазы “Ханабад” (“K2” в американском обозначении). Для поддержания операции “Несокрушимая свобода”, проводившейся силами антитеррористической коалиции в Афганистане, была создана авиабаза “Манас” в Киргизской Республике, для дозаправки транспортных самолетов ВВС США использовались таджикские аэродромы. В дальнейшем эти военные объекты прекратили свое существование, но не по воле США, которые продолжают попытки обеспечить свое военное присутствие в центральноазиатском регионе. 19 апреля 2018 г. депутаты сената парламента Казахстана ратифицировали соответствующие изменения в межправительственное соглашение с США, предусматривающее, что “в перечень контрольно-пропускных пунктов добавлены порты “Актау” и “Курык”. Делается это целиком в интересах Казахстана как стратегического партнера США, которые стремятся к поддержанию мира и стабильности в соседнем Афганистане” [8]. Мы расцениваем это согласие Казахстана на использование Соединенными Штатами двух портов как согласие на усиление американского присутствия на территории этого государства.

К началу 2000-х гг. сформировалась концепция “мягкой силы”, т. е. использования экономического, культурного и других видов невоенного влияния для достижения стратегических целей [9]. Но эта же концепция предполагала использование силы в разных невоенных ситуациях, связанных с “новыми вызовами” – от “защиты прав человека” до “ликвидации источника экологической катастрофы”. Все эти задачи предполагалось решать с помощью сочетания различных форм силового и “мягкого” присутствия.

В Стратегии национальной безопасности, утвержденной президентом Дж. Бушем в сентябре 2002 г., было заявлено, что в условиях американского превосходства официальный Вашингтон ставит задачу обеспечить доминирование американских ценностей на международной арене: “Сегодня Соединенные Штаты обладают беспрецедентной военной мощью и огромным экономическим и политическим влиянием. <...> Мы стремимся к формированию баланса сил в интересах свобо-

ды человеческой личности: условий, при которых все нации и общества могли бы избрать для себя преимущества и вызовы политической и экономической свободы. <...> Мы распространим мир, поощряя свободные и открытые общества на каждом континенте” [10].

В этом же документе говорилось и о том, что “присутствие американских сил за рубежом является одним из наиболее глубоких символов американских обязательств перед союзниками и друзьями. Проявляя готовность использовать силу для того, чтобы защитить нас и других, Соединенные Штаты демонстрируют свою решимость поддерживать соотношение сил в интересах свободы” [10].

В Стратегии национальной безопасности 2006 г. США подтвердили свою готовность с помощью инструментов военного и “мягкого” присутствия насаждать демократические режимы: “Политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы помогать и поддерживать демократические движения в любой стране и культуре, с тем чтобы, в конце концов, покончить с тиранией в нашем мире. В сегодняшнем мире фундаментальный характер режимов значит не меньше, чем соотношение сил между ними. Целью нашей политики является помощь в сотворении мира демократических, хорошо управляемых государств, которые смогут удовлетворить потребности своих граждан и вести себя ответственно на международной арене. И это – лучший способ обеспечить прочную безопасность американского народа” [11].

Стратегия национальной безопасности США 2010 г., подготовленная администрацией Б. Обамы с целью “обеспечения безопасности граждан США”, предусматривала поддержание военной мощи страны и сохранение “глобального лидерства”, опираясь на военное присутствие в разных регионах мира, особый акцент делался на государства Ближнего Востока и Афганистан [12].

В феврале 2015 г. была опубликована обновленная Стратегия, в которой говорилось, что США будут стремиться к предотвращению международных конфликтов и для достижения этой цели намерены опираться на свою “дипломатию и лидерство, подкрепленные мощной военной силой” [13].

Политические итоги проводимой США политики на Балканах, в Ираке, Иране и Афганистане, “арабская весна” и “цветные революции” на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв. стали яркими примерами реализации идеи глобального лидерства и создания однополярного мира с помощью инструментов американского присутствия. “Анализ, проведенный экспертами различных стран мира, показывает, что реальные

цели США и НАТО <...> заключаются в организации собственного военного, геостратегического, геополитического и геоэкономического плацдарма в центре Евразии, развертывании мощнейшей сети военных баз на территории Афганистана и всего Среднего Востока” [14].

Пришедший к власти в 2016 г. Д. Трамп остается в рамках парадигмы, основанной на признании доминирования американских интересов и обеспечения национальной безопасности США в качестве приоритетов внешней политики. Новая Стратегия национальной безопасности (2017) [15] также базируется на идее глобального лидерства США. Основными тезисами речи, посвященной новой стратегии, с которой Д. Трамп выступил 18 декабря 2017 г., были следующие:

- Америка является одной из величайших сил мира и справедливости в истории человечества. С каждым новым решением, с каждым новым действием мы сегодня претворяем на практике принцип “Америка прежде всего”. Нам требуется чрезвычайная военная мощь, которая, я надеюсь, приведет к прочному и длительному миру;
- Наши усилия по укреплению Североатлантического альянса создали условия для того, чтобы страны-члены существенно увеличили свои взносы в бюджет НАТО. Теперь в него поступают дополнительно десятки миллиардов долларов. Я не позволю, чтобы страны-члены увиливали от выделения средств, в то время как мы гарантируем им безопасность и готовы воевать за них;
- Наша новая стратегия основана на принципиальном реализме. Одной из основ этой стратегии является сохранение мира посредством силы. Нашу мощь и силу подкрепляют союзники, разделяющие наши принципы и берущие на себя свою долю ответственности за нашу коллективную безопасность. Наша стратегия нацелена на расширение американского влияния в мире [16].

Следует согласиться с выводом российских исследователей В.В. Романова и И.В. Михайлова о том, что сравнительный анализ стратегий национальной безопасности США демонстрирует “константность многих американских подходов к теоретическому осмыслению современного миропорядка на протяжении последнего столетия” [17, с. 127]. А в этом контексте – константность значимости американского присутствия как важнейшего инструмента внешней политики США, нацеленной на обеспечение глобального лидерства.

Американское присутствие по-прежнему будет обеспечиваться прежде всего военным при-

сутствием. Так, в 2018 г. военные ассигнования составят рекордную сумму – 677,1 млрд долларов, из которых 4,7 млрд долларов заложено на противодействие России и наращивание американского военного присутствия вблизи ее границ [18].

Президент США Д. Трамп 1 марта 2018 г. объявил, что в Афганистане “военный контингент в ближайшее время должен увеличиться с 8400 до 15 тысяч военнослужащих, придут также 26 тысяч бойцов-контрактников и 6 тысяч военных инструкторов” [19]. Глава Центрального командования ВС США генерал Дж. Вотел подтвердил, что “присутствие американских вооруженных сил в Сирии по-прежнему необходимо для того, чтобы стабилизировать обстановку в стране и освободить ее от террористов” [20], а в конце апреля 2018 г. глава Пентагона Дж. Мэттис заявил о готовности американского руководства к переговорам по наращиванию своего военного присутствия и увеличению числа военных на территории Польши [21].

Американское присутствие также сохраняется в форме создания неправительственных организаций практически во всех странах мира. На сайте Национального фонда США в поддержку демократии (NED) размещено объявление о том, что Фонд “каждый год оказывает финансовое содействие сотням неправительственных организаций во всем мире, работающих во благо демократических целей и упрочения позиций демократических институтов. Сумма гранта зависит от размеров и объемов проекта, но средний грант предоставляется в сумме 50 000 долларов США на 12 месяцев” [22].

Конгресс США утвердил выделение на международные проекты в 2018 г. 5,4 млрд долларов. Выделяемые средства “могут быть направлены на финансирование программ по поддержке демократии в Российской Федерации, включая защиту свободы Интернета, а также на реализацию стратегии по поддержке демократии и законности”. При этом нельзя реализовывать проекты “с участием российских государственных чиновников или финансовых организаций, принадлежащих российской стороне или контролируемых ею” [23].

Таким образом, несмотря на смену президентов США, внешнеполитический курс этой страны по-прежнему предполагает использование инструментов своего присутствия для обеспечения сохранения модели однополярного мира под лозунгом “Америка на первом месте. В любом решении, касающемся торговли, налогов, иммиграции, внешней политики” [24].

Принципиально иной подход к стратегическому присутствию как инструменту внешней политики у Российской Федерации. Он будет рассмотрен во второй части статьи.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ В.В. Путина от 30 ноября 2016 г. № 640. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news
2. Зеленева И.В. История экономического присутствия Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Центральной Азии (1991–2008 гг.) / И.В. Зеленева // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91); Хопёрская Л.Л. Научное сотрудничество России и Таджикистана: история и современное состояние / Л.Л. Хопёрская // Культурное наследие России. 2016. № 3; Наташкина Е.Ю. Российское высшее образование в контексте интеграционных процессов / Е.Ю. Наташкина, А.Ю. Слепухин // Власть. 2016. № 6; Мельникова О. Средства и методы обеспечения информационного сопровождения внешней политики государства / О. Мельникова // Международная жизнь. 2017. № 5; Крутько А.А. Образовательная интеграция на пространстве СНГ: институты и форматы / А.А. Крутько // Вестник КРСУ. 2018. Т. 18. № 5 и др.
3. Климов: Россия может пересмотреть отношения с государствами, где растёт военное присутствие США (13.02.2018). URL: <https://www.pnp.ru/politics/klimov-rossiya-mozhet-peresmotret-otnosheniya-s-gosudarstvami-gde-rastyot-voennoe-prisutstvie-ssha.html>
4. Внешняя политика // Сайт МИД РУ. URL: <http://www.mfa.uz/ru/cooperation/policy>
5. Андрианова Т.В. Геополитические теории XX века: Социально-философское исследование / Т.В. Андрианова. М.: Директ-Медиа, 2014.
6. Ванчугов В. Военные базы. Цели и задачи / В. Ванчугов. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/80103>
7. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. М.: Междунар. отношения, 1998.
8. СМИ: Казахстан согласился на размещение военных баз США на своей территории (25.04.2018). URL: <https://politikus.ru/events/106854-smi-kazahstan-soglasilsya-na-razmeschenie-voennyh-baz-ssha-na-svoey-territorii.html>
9. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. New York: Public Affairs, 2004.
10. The National Security Strategy of the United States of America. 2002. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/>
11. The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/64884.pdf>
12. The National Security Strategy of the United States of America. May 2010. URL: nssarchive.us/NSSR/2010.pdf
13. National Security Strategy. February 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf
14. Пангиреева З.Д. Особенности внешней политики США на современном этапе / З.Д. Пангиреева, Р.Р. Каирбекова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по мат-лам XII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012.
15. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
16. Речь Трампа о безопасности: Америка – прежде всего (19.12.2017). URL: <https://inosmi.ru/politic/20171219/241045134.html>
17. Романов В.В. Вильсонизм как внешнеполитическая и правовая доктрина современных международных отношений / В.В. Романов, И.В. Михайлов // Правовые доктрины современности: монография / под общ. ред. Р.В. Пузикова, А.Б. Бекмагамбетова. Костанай: New Line Media, 2018.
18. Тканова М. Проект военного бюджета США на 2018 финансовый год / М. Тканова, А. Шляхтунов // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 11.
19. США срочно увеличивают свой контингент в Афганистан (01.03.2018). URL: <https://rg.ru/2018/03/01/ssha-srochno-uvlichivaiut-svoj-kontingent-v-afganistane.html>
20. Командование сил США подтвердило необходимость присутствия в Сирии (4 апреля 2018). URL: <https://xn--b1aga5aadd.xn--plai/2018/>
21. США задумались над увеличением военного присутствия по соседству с Россией (28 апреля 2018). URL: https://lenta.ru/news/2018/04/28/us_in_poland/
22. О программе финансирования NED. URL: <https://www.ned.org/apply-for-grant/ru/>
23. Госдеп, который платит: Какие зарубежные программы США намерены реализовать в 2018 году. URL: <https://russian.rt.com/world/article/410621-gosdep-zarubezhnye-programmy-ssha>
24. После вступления в должность президент США начал менять внешнюю политику, но допускает некоторые отходы от предвыборных обещаний. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-foreign-policy/3733618.html>